

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

Анны Даниловой

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым

Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За спиной — двери в ад
Тайная любовь Коннерфилда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостя

Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь — прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре

АННА ДАНИЛОВА

Ты готова платить своей любовью
за чужую вину?

ОДИНОКИЕ НОЧИ
ВДВОЕМ

Москва 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Одинокие ночи вдвоем : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-091531-6

Как каждая из нас, как любая, лучше всего она умеет выживать. Выстоять любой ценой — когда здравый смысл и сама жизнь объявляют тебе войну. Дина вынуждена выбирать между дочерью и работой, без которой ни ей, ни дочери не выжить. Но даже если обманывают чувства и нет цены словам, можно ли позволить себе платить чужой жизнью за собственный завтрашний день? Впрочем, она всего лишь самый очевидный из подозреваемых, но в мире, где изолгались слова, разве можно верить очевидному?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дубчак А.В., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-091531-6 ООО «Издательство «Э», 2018

«В поселке Чернозубовка на молодую женщину сегодня, 6 ноября, напала стая бездомных собак. Это произошло на самой окраине села, неподалеку от фермы, принадлежащей Е.А., в глухом, почти безлюдном месте. Медиков и спасателей собаки долго не подпускали к жертве, пока та не перестала подавать признаков жизни. Медики зафиксировали смерть. Собаки пытались вернуться, чтобы закончить трапезу, но одна из них была убита сотрудником милиции, после чего остальные разбежались».

ГЛАВА 1

2008 г., ноябрь

У меня совершенно дурацкое имя и такая же нелепая фамилия. Зовут меня Глафира, а фамилия (спасибо папочке, который бросил нас с мамой лет двадцать пять тому назад) Кифер. Глаша Кифер — это смертельно для подростка с травмированной психикой («Глашка Кефир!»). Чем, скажете, травмированной? Да

всем подряд. Моей врожденной эмоциональностью и способностью принимать все близко к сердцу. Плюс — моей врожденной, как мне думается, полнотой, хотя это еще вопрос — возможно, моя мама из-за непомерной любви к своей единственной дочке и чувства вины из-за отсутствия отца просто перекармливала меня. Да и класс у нас был недружный, все какие-то грубые, жестокие, злые, как волчата. Я никогда не любила школу и, как мне казалось, больше всех своих одноклассников ждала, когда же закончится урок, когда прозвенит звонок. И моя неистребимая нелюбовь к школе и ко всему общественному выразилась в полную силу на выпускном балу, к которому я тщательно, как и все наши девчонки, готовилась, но на который так и не пошла — передумала. Надела сшитое моей гениальной мамой-портнихой платье и отправилась праздновать свою свободу со своей лучшей подругой Лизкой. Мы вдвоем катались с ней на прогулочном катере по Волге, ужинали в дорогом ресторане, а потом пошли в кино на новую серию Джеймса Бонда... После кино познакомились с двумя парнями, которые отбились от своей «выпускной» компании, вместе с ними зашли в пивной бар, потом каким-то образом оказались в китайском ресторане и уже далеко за полночь вернулись домой в сопровождении все этих же парней. Потом одному стало плохо, мы вызвали ему такси, и он поехал домой,

а с другим парнем (имени я его не помню, как и Лизка) моя подруга целовалась почти до утра в моем подъезде, а я сторожила их, устроившись на ступеньках нижнего этажа, в глубине души жалея любвеобильную Лизку. Мы обе прекрасно знали, что дальше этой «лестничной» страсти дело все равно не пойдет.

Лизка! Это не девушка, это песня. И все те, кто знаком с ней, считают точно так же. Она очень красивая, не то что я. Стройная, русоволосая, с потрясающей фигурой. Еще умная, все схватывает на лету, у нее не мозги, а процессор. Лиза — очень серьезный человек, образованный, но порой, наблюдая за ней, кажется, что все то, чем она занимается по жизни, — мелочь по сравнению с ее любовными переживаниями.

Забыла сказать, Лиза Травина — адвокат. Она молодая, однако клиентов у нее хоть отбавляй.

— Глаша, ужасно лень, — стонет она, — но все же придется открывать свой кабинет. Покупать квартиру на первом этаже в хорошем районе, превращать ее в офис, ремонтировать... После этого надо будет нанять парочку-другую адвокатов, купить компьютеры, принтеры, сканеры...

— И велосипеды, — подсказала я.

— Какие еще велосипеды?

Разговор происходил у нее дома. Она сидела, вернее, почти лежала на своем огромном сером диване, точнее, на пышных его валиках, набитых гусиным пухом, устроив ноги на предназначенном для этого столике, курила и рассматривала гладкий белый потолок.

— Глаша, зачем велосипеды? — Она повторила свой вопрос, лениво растягивая каждое слово.

— Ты же сама говорила про здоровый образ жизни. Что, мол, все время сидишь за компьютером... то есть находишься без движения...

— Глаша, ты что-то путаешь. Это ты с утра до ночи сидишь за компьютером, а я ношусь по городу, как собака...

— Ты то в машине часами кого-то выслеживаешь, то на судебных заседаниях сидишь... опять же неподвижно... — подсказала я, медленно, но верно подвигая ее к мысли о велосипедах, которые нужны были в первую очередь, конечно, мне.

— Да. Сiju, ну и что?

— Да то, что заработаешь себе геморрой.

— Глашка! Говори яснее!

— Давай купим по велосипеду, — заныла я. — Будем вечерами кататься... Здоровый образ жизни.

— Глафира. — Она слегка подняла голову, чтобы заглянуть в мои бесстыжие глаза. — Это

ты весишь, моя дорогая, сто пятьдесят восемь килограммов, вот ты и катайся. А мне-то с какого припеку? У меня вообще бараний вес — сорок пять килограммов.

— Не прибедняйся. Пятьдесят пять. Но я не могу одна кататься, понимаешь? Мне скучно и неинтересно. А так... Поедем куда-нибудь за город... Подышим заодно свежим воздухом, — пропела я. — Ты легкие свои провентилируешь.

— Ладно. — Она снова откинулась на мягкий валик дивана. — Уговорила. Велосипеды так велосипеды. Они на самом деле полезны. Но вообще-то я говорила о том, что нужен офис, адвокаты... Боже, как представлю себе все это...

Она тяжело вздохнула, прокручивая в голове весь процесс открытия новой адвокатской конторы.

— Я помогу, — скромно предложила я ей свои услуги как бы в благодарность за ее согласие обзавестись такими полезными вещами, как велосипеды.

Тут надо признаться, что по профессии я, как и моя мама, портниха. Но шить на красивых и стройных заказчиц в то время, как ты сама сдобная плюшка необъятных размеров, — занятие оскорбительное, приводящее в уныние. Лиза об этом знала, поэтому пару лет назад, когда я пребывала в очередной депрессии,

связанной с очередными приобретенными килограммами, с легкостью пригласила меня к себе помощницей.

— Если, конечно, хочешь, — предупредила она меня самым строгим тоном, на какой только была способна. — Поскольку обязанности у тебя будут самые разные. Целый букет обязанностей, — добавила она, подумав. И стала загибать пальцы... Однако не хватило всех — на руках и ногах. Пришлось пойти по второму кругу... — Ты же понимаешь, что я не простой адвокат. — Она, морща лоб, сосредоточенно придумывала для меня все новые и новые, казалось бы, совершенно идиотские обязанности. — Я адвокат по принципу, защитник невиновных или тех, кто поначалу производит впечатление невиновных. Мало сказать красивую речь на суде. Надо сделать так, чтобы честный человек ни в коем случае не приходил в суд с кучей улик в папке следователя и, автоматически, потенциальным приговором...

И хоть говорила она сложно и витиевато, я все понимала, поскольку знала, что она помогала многим своим клиентам еще на уровне следствия, и это в основном с ее помощью добывались улики, при помощи которых на скамью подсудимых впоследствии садились настоящие преступники, а не ее подозреваемые в

преступлении клиенты. Но это случалось, когда клиент обращался вовремя, только еще почуввав нависшую над ним опасность. Когда же до суда оставалось несколько часов (бывало и такое), Лиза призывала на помощь весь свой интеллект, фантазию, опыт и интуицию, подключала к делу штат оплачиваемых «свидетелей» (тихих и преданных ей людей), которые уличали в преступлении совершенно других (как правило, не существующих в природе) людей, и все равно выигрывала дело. Она — творческий человек, еще очень азартный, работоспособный и одновременно ленивый. Я и сама удивляюсь, как все это может совмещаться в одном человеке. Но тем не менее...

— Глаша, — говорила она тогда с жаром, очерчивая круг моих обязанностей, — ты должна постоянно быть у меня на подхвате и делать абсолютно все, о чем я бы тебя ни просила, понимаешь? Куда-то пойти, поехать, позвонить, добыть, узнать, сварить кофе, заказать столик в ресторане, сделать мне массаж, сбежать за сигаретами, пойти со мной в суд, не ходить со мной в суд, контролировать работу тех адвокатов, которых я найму, следить, чтобы все их гонорары проходили через мою кассу, вести бухгалтерию, присматривать за моей домработницей, следить, нет ли в моей квартире или в офисе тараканов, готовить нам с тобой обед,

а также время от времени читать мне лекцию о вреде курения... Конечно, я многое забыла, но вспомню по ходу дела. Ну как, ты согласна?

Она поморщила свой маленький носик, словно мучительно вспоминая самую важную обязанность, но мысль, видать, от нее уже ускользнула.

— Хорошо, потом что-нибудь еще вспомню. Ты, наверное, Глаша, захочешь спросить меня о зарплате. Ты меня знаешь. Я человек экономный, деньгами разбрасываться не люблю, считаю каждую копейку.

Теперь была моя очередь заглянуть в ее глаза. Не далее как на прошлой неделе (точка отсчета приходится, разумеется, на тот памятный день, когда она сделала мне предложение работать у нее) она купила себе бальное платье — розовую балетную пачку в блестках. За две с половиной тысячи долларов. Причем зная, что никуда в нем никогда не выйдет — имидж не тот. Плюс набор французских кастрюль, которыми тоже никогда не будет пользоваться. Еще дала в долг своей ушедшей домработнице пятьсот евро, подарила какому-то бомжу серебряную зажигалку («Глаха, у меня сегодня такое дарительное настроение!»). И это при том, что она постоянно считает деньги, раскладывает по конвертикам: это на еду, это на коммунальные услуги, телефон... Расточительная скряга.

— Первый месяц — испытательный срок с окладом в тысячу евро. А там — видно будет. Да! Вспомнила! Ты будешь контролировать строительство офиса!!!

Про офис она говорила и два года тому назад, но дальше разговоров дело не пошло — слишком много было у нас дел, чтобы отвлекаться на такое сложное и муторное предприятие. Я не могла не напомнить ей об этом.

— Ну и что, что говорила? Значит, эта тема сидит у меня в одном месте, как заноза. Мне трудно одной, понимаешь? Люди обращаются ко мне за помощью, а я физически не в состоянии им помочь — я не могу разорваться сразу на двадцать судебных процессов...

— Но тырываешься... К тому же, не забывай, тебе за это деньги платят. И немалые. И не один адвокат мечтал бы оказаться на твоём месте.

— Глаша, какая ты, однако, алчная!

Я прикусила губу, ведь я имела свой процент от гонораров, не считая твердого оклада.

— Я не алчная, просто у меня мечта.

— Да знаю я твою мечту — хочешь собственную квартиру. Ну зачем она тебе? Я же сняла тебе квартиру рядом с собой. А что? Очень даже удобно. Ты всегда под рукой. При чем это я оплачиваю ее, ты не забыла?

— Не забыла. — Я взмахнула ресницами. — Но это чужая квартира. Я не могу отремонти-

ровать ее по своему вкусу... Я знаю, что все там не мое... Лиза, да что я объясняю тебе прописные истины?

— Ну так что же ты еще не купила себе свою, собственную квартиру?

— Откуда у меня такие деньги?

— А банки на что? Идешь в банк, берешь кредит...

— ...и выплачиваешь двадцать лет двойную сумму. Я не хочу. Хочу сама накопить и купить.

— Тогда почему же еще не купила? Знаешь, сколько я заплатила тебе за те два года, что ты у меня работаешь?

И тут она, кряхтя, как старая развалина, поднялась с мягчайшего дивана, добралась до шкафа, достала оттуда тоненькую папочку, раскрыла ее и положила на стол листок.

— Вот, считай сама...

Я была потрясена тем порядком, который царил, оказывается, в документах Лизы, человека, который, как мне всегда казалось, все сложное, муторное, связанное с ведением своих дел, оставляет на завтра...

И я увидела цифру, от значения которой мне стало плохо: из комбинации шести четко прорисованных цифр вырисовывалось аж две квартиры!

— Ты, Глаша, транжира, — подытожила Лиза и, вернувшись на диван, снова закинула

ноги на столик. — Вот и весь расклад. Я бы на твоём месте попросила верного человека, меня, к примеру, откладывать часть твоих денег, то есть попросту прятать их от тебя, не давать тратить. И к концу года мы бы собрали для тебя нужную сумму. А тебе какую квартиру надо: трехкомнатную или, как у меня, — пятикомнатную?

— Можно и двух, — нервно сглотнула я.

— По рукам. Значит, начиная с сегодняшнего дня, я выплачиваю тебе лишь часть причитающегося тебе вознаграждения, идет? А остальное кладу на твой счет с условием, что ты не будешь оттуда ничего снимать.

Она повернула голову в мою сторону, потом сказала обреченно:

— Все равно снимешь. Поэтому я просто не дам тебе твои деньги, а спрячу в свой сейф. Ну как? Ты еще хочешь свою квартиру?

Мысль о том, что мои денежки будут томиться в ее сейфе, вызвала головную боль.

Клавишные прыжки нарастающего звучания регтайма вывели меня из задумчивости — так проявлял себя телефон Лизы. Ее рука машинально схватила трубку — жест привычный, хорошо отлаженный, как механизм. Кажется, Лиза родилась с этим порывистым, точным движением — она находила трубку молниеносно и безошибочно, где бы та ни лежала.